

Сергей Филатов,

публицист

Счастливый билет Бориса Васильева

(О жизненном и творческом пути Бориса Васильева)

В книге: Сергей Филатов «По обе стороны...» М., Пик, 2006

Помню, после первых прочитанных мной книг Васильева – «А зори здесь тихие» и «Не стреляйте в белых лебедей» – я все время спрашивал себя: «Почему писатель так жестоко обходится со своими героями?» Но ответа тогда найти не смог. Зачитываясь в те далекие годы книгами Бориса Васильева, разве мог я подумать, что судьба однажды несказанно одарит меня – познакомит с ним и его супругой Зорей Альбертовной, Зоренькой, введет в их семью, в их старый деревянный дом со скрипящими половицами, приютившийся в лесу, неподалеку от подмосковного Солнечногорска, и сделает нас друзьями. В семидесяти километрах от Москвы мы сворачиваем с трассы Москва – Санкт-Петербург и метров через триста езды по ухабистой лесной дороге оказываемся перед двумя соседствующими домами, в одном из которых и живут Васильевы. Хозяин, улыбаясь, сам распахивает ворота перед нашей машиной. Первое впечатление после дружеских рукопожатий: нас встречает родной человек, со знакомым до боли, умным и добрым лицом. Впоследствии мы убедились, что ритуал встречи и проводов гостей, когда хозяин сам отпирает и запирает ворота, соблюдается им неукоснительно, даже когда ему нездоровится. По узкой тропинке идем гуськом к крыльцу. Пока женщины накрывают на стол, мы поднимаемся с Борисом Львовичем по довольно крутой лесенке на второй этаж, в его рабочий кабинет – невысокую вытянутую в длину светелку, со стареньким диваном, с книжными полками и несколькими стульями, с письменным столом, на котором большую часть места занимает компьютер... Завязывается разговор, в ходе которого мы прикладываемся по маленькой к потайным запасам хозяина, и коньячок кажется особенно вкусным – это тоже становится от встречи к встрече частью нашего ритуала... Зоренька, конечно, догадывалась о наших проделках,

наверняка поварчивала, но переносила терпеливо. Только изредка, как бы вскользь, напоминала о беспокойстве за здоровье мужа...

На первый же мой вопрос: «Много ли Вы работаете?», Борис Львович ответил: «Каждый день я должен написать не менее десяти печатных страниц. И неважно, пишется в этот день или нет, и неважно, что я напишу, но – не менее десяти страниц». И он показал свой маленький секрет – потыкал пальцами по клавишам, и на экране появилась страница с заголовком «Мгновения»: «Вот в эти «Мгновения» и записываю, что придет в голову, а затем это превращается в архив, в действующий архив, из которого я черпаю материал, когда работаю над книгой или над какой-то публикацией». Мне понравилась эта идея, и я у себя в компьютере тоже стал вести такого рода дневник и назвал его «Мгновения. День за днем». Теперь могу признаться: «Мгновения»-то у меня получились, а «День за днем» – нет, ибо писал только когда появлялось желание. И я подумал: «Какая должна быть у человека самодисциплина и какая организованность, чтобы каждый божий день вписывать туда все новые и новые материалы!» Я неоднократно потом убеждался, что Васильев не только подтянут внешне – выправка у него офицерская, – но и внутренне. Он очень ответственно подходит к любой просьбе, к любому делу, за которое берется.

В первый же день нашей встречи я решился задать писателю мучивший меня вопрос. Правда, я немного схитрил и сделал это не в лоб, а произнося тост за хозяина дома. Прозвучало это так: «Дорогой Борис Львович, когда я прочел первые Ваши книги, у меня было желание побить писателя – было нестерпимо больно за погибших, убитых героев. Ну зачем нужно было так безжалостно поступать с ними, не оставить им шансов на жизнь, зачем так остро ранить читателей?» Последовал мгновенный ответ: «Голый нерв быстрее заставляет осмыслить и понять происходящее». И – после короткой паузы: «Я убежден, что искусство не должно выступать в роли утешителя, его функция – обнажать перед людьми жизненные опасности в любых их проявлениях, будить совесть и учить сочувствию и добру...»

Каждая последующая наша встреча приносила неожиданные открытия в толковании истории России и мира, выстраивая логически выверенную и глубоко мотивированную цепь событий. У него на все был неординарный взгляд. Увлечение с детства историей, обилие прочитанных книг, глубочайшая образованность и эрудиция, проявившиеся в работе над серией исторических

повестей и романов, острый аналитический ум – все это делает его оценки сегодняшних и исторических процессов точными, смелыми и неожиданными.

Читая многое из написанного Васильевым, я узнавал живые отклики на наши беседы... Помню разговор о причинах вечного бесправия личности в России. И вскоре прочел в одной из его статей подтверждение недавних размышлений автора: *«Древняя Русь, приняв христианство византийского толка, приняла и Византийское право, в котором приоритетом оказались не права личности, а безусловное право деспота, государя, царя – то есть приоритет власти. На этом представлении о преимуществе государственных прав над правами личности и существовала Россия вплоть до Судебной реформы Александра Второго. Однако реформы эти, обеспечившие самый демократический суд в России, в дикие глубины страны, а тем паче, в глубины населяющих ее темных душ проникнуть не успели. Объявились большевики, решительно повернувшие к византийскому пониманию приоритетного права государства». В итоге общество формировалось «в пренебрежении к презумпции невиновности, о которой и не подозревает большинство населения вообще. Именно на разности исходных принципов и основываются наши разногласия с Европой, как только заходит разговор об ущемлении прав человека».*

У Бориса Васильева свои, и притом серьезные счеты с XX веком. Хотя он и считает, что во многом ему повезло. В их семье редко и очень скупо рассказывают о своем прошлом. Поколение Васильева – первое, родившееся после окончания гражданской войны, – оказалось поколением, выросшим в состоянии продолжающейся скрытой гражданской войны. *«Конечно, мы не ощущали всего ужаса перманентного террора, – напишет он позже, – но наши родители, родственники, старшие братья и сестры испытали его в полной мере. Нам в наследство досталось полностью разрушенное правовое пространство, а нашим внукам – разрушенное идейное... Ни отец, ни мама никогда мне ничего не рассказывали о себе. Ни о своем детстве, ни о своей молодости. Они исходили из главного принципа того времени, когда я был ребенком: чем меньше я буду знать о прошлом, тем спокойнее будет моя жизнь».*

Но иногда все же, в солнечногорском доме случались минуты откровений. Надо сказать, что Зоря Альбертовна уступала тут пальму первенства мужу. И тогда собравшиеся за тяжелым квадратным обеденным

столом, затаив дыхание, слушали рассказ о родовых связях и занятиях нескольких поколений семьи Васильевых и Алексеевых. Отец писателя, Лев Александрович Васильев, происходил из дворянского сословия, был, как и его предки по мужской линии, кадровым офицером. Служил сначала в царской, а затем в Красной и Советской армии, чудом пережил три армейские чистки, бывшие больше всего по бывшим офицерам царской армии... Мать, урожденная Алексеева Елена Николаевна, принадлежала к известному на псковщине старинному дворянскому роду, связанному с именами Пушкина и Толстого, с общественным движением девятнадцатого века.

Свои оценки предвоенного времени Борис Львович обозначил в нескольких книгах, но наиболее жестко, по-моему, они прозвучали в повести «Завтра была война». В ней глубоко и трагично представлена ломка характеров и судеб при неизбежном столкновении со сталинской эпохой доносов и арестов, исчезновения людей и разрушения семей, с повсеместным насаждением двойной морали. Но ломались не только судьбы и исчезали не только люди – ломалась культура, искоренялись извечные моральные принципы. А значит, менялась вся система нравственных координат. Семья и улица несли взаимоотталкивающиеся заряды информации: *«...так было во всех семьях, инерционно стремившихся передать нам нравственность вчерашнего дня, тогда как улица – в самом широком смысле – уже победно несла нравственность дня завтрашнего».*

В разговоре о школе и образовательных реформах я как-то посетовал: «У многих из нас хорошие специальные знания, я имею в виду специальное образование, но колоссальный недостаток гуманитарного, которое должна давать средняя школа: общее представление о мире, о науках, об их взаимосвязи с обществом, этикой, культурой...» *«Я точно могу сказать, – поддержал меня Борис Львович, – что в дореволюционные времена воспитание было более созидательным, в отличие от разрушительного советского, с его тенденциозными лозунгами, человеконенавистнической идеологией, с враждебностью к любому инакомыслию, показательными судами над «врагами народа», массовыми репрессиями и расстрелами».*

Как-то я упомянул о покаянии в обществе, об исторической памяти:

– Борис Львович, а как же с прошлым, с его оценками?

– Историю – не в записи, разумеется, – исправить невозможно, но можно – и нужно! – попытаться сгладить последствия деяний прошлого, если эти деяния сказываются в дне сегодняшнем. Я думаю, что в историческом самосознании россиян нет явных разрывов, оно цельно.

...Особая тема наших бесед – Великая Отечественная война. Когда она началась, Васильев только что окончил девятый класс и ушел на фронт добровольцем. Чудом остался в живых: *«...мне и вправду выпал счастливый билет. Я не умер от тифа в 34-м, не погиб в окружении в 41-м, парашют мой раскрылся во всех моих семи десантных прыжках, а в последнем – боевом, под Вязьмой в марте 43-го – я нарвался на минную растяжку, но на теле не оказалось даже царапины»*. Однако он умалчивает, что была тяжелейшая контузия. После госпиталя, осенью 1943 года, он поступил в Военную академию бронетанковых и механизированных войск. Там он встретил свою будущую жену – Зорю Альбертовну Поляк, которая училась в той же академии. В начале их совместного пути случился один драматичный эпизод, который Борис Львович считает определяющим во всей их последующей многолетней жизни и который он описал в «Веке необычайном». Все произошло во время практики, под Ленинградом, при испытании самоходки СУ-152, которая направлялась на стрельбы. Бориса и Зорю Васильевых высадили в ближайшей низине и велели ждать. *«И тут я увидел незабудки... я уже набрал букетик, когда вдруг обнаружил минную растяжку. Проследил глазами и заметил мину, к которой она вела. Мину с невывинченным взрывателем. И понял, что меня занесло на неразминированный участок обороны. Осторожно развернулся к юной жене, а она оказалась передо мною. Лицом к лицу»*.

– *Мины.*

– *Я знаю. Боялась кричать, чтобы ты не бросился ко мне. Сейчас мы осторожно поменяемся местами, и ты пойдешь за мной. Шаг в шаг.*

– *Первым пойду я. Я знаю, как и куда смотреть.*

– *Нет, ты пойдешь за мной. Я вижу лучше тебя.*

Говорили мы почему-то очень тихо, но лейтенант Васильева говорила так, что спорить было бессмысленно. И мы пошли. Шаг в шаг. И – вышли. С той поры я часто попадал на минные поля... Вот уже более шести десятков лет я иду по минному полю нашей жизни за Зориной спиной. И я –

счастлив. Я безмерно счастлив, потому что иду за своей любовью. Шаг в шаг».

Это правда. Если говорить на языке летчиков, то ведущей в семье всегда была и остается Зоря Альбертовна. Часто во время разговоров я замечал, как нет-нет, да обратится в ее сторону взгляд мужа, как бы спрашивая ее одобрения.

Есть в семье Васильевых незыблемая традиция – за столом второй тост всегда за хозяйку. На ней – не только все хозяйство и распорядок дня. У нее хороший вкус, точный взгляд, а у обоих – обостренное чувство справедливости и правды. И очень высокая планка нравственных оценок. Сколько раз я предлагал организовать лечение Бориса Львовича и провести сложные операции в ЦКБ или в других крупных, престижных клиниках Москвы, и каждый раз получал мягкий, но твердый ответ: «Спасибо, не надо, будем лечиться там, где лечились, там хорошие врачи, а условия – как для всех».

Военная проза Бориса Васильева по особому объясняет, что такое долг, честь и патриотизм. Патриотизм, по Васильеву, – чувство интимное и сокровенное. В годы реформ и преобразований, да и до сих пор много споров шло и идет о роли интеллигенции: одни упрекали интеллигенцию в том, что она толкнула общество на разрушения, другие – в том, что она не довела начатое дело до конца и самоустранилась от реформ.

«Я прожил достаточно длинную жизнь, – напишет он в своей книге о XX веке, – чтобы внутренне ощутить, а не просто логически осмыслить все три этапа, три поколения русской интеллигенции от ее зарождения до гибели через ступени конфронтации, унижения, физического уничтожения, мучительного конформизма уцелевших до возрождения веры в гражданские права и горького понимания, что интеллигенция так и осталась невостребованной. ...Ведь необходимость и сила русской интеллигенции была в ее понимании своего гражданского долга перед родиной...». И вывод делается писателем совершенно замечательный: «...Русский народ не может существовать без собственной интеллигенции в исторически сложившемся ее понимании не в силу некой богоизбранности, а потому лишь, что без нее он утрачивает смысл собственного существования, вследствие чего никак не в силах повзрослеть».

О чем бы ни писал Борис Васильев, о чем бы ни говорил, масштаб личности, писательское провидчество, уровень мышления и таланта придают каждому его слову широкое общечеловеческое звучание, вызывая благодарный отклик в мыслящих людях и чувство гордости за возможность причислить себя к его современникам.